

ФИЛОСОФИЯ

Г.В. Петров

ИДЕАЛЬНОЕ КАК ЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сразу хочу оговориться, что речь в этой статье пойдет о природе только таких идеальных явлений, о которых мы можем судить на примере наших, человеческих ощущений, чувств и мыслей. Это принципиальное условие, поскольку существуют и другие представления об идеальном. Известно, что в философии сложилось множество различных взглядов на идеальное, большинство из которых, но не все, основаны на противопоставлении идеального и материального. При этом основным онтологическим критерием такого противопоставления был и остается признак телесности, как неотъемлемого свойства материальных явлений бытия.

Люди издревле, задолго до появления философии, стали различать в самих себе тело (плоть, плотское) и душу (бесплотное), противопоставляя их друг другу, в том числе и в нравственном отношении, и перенося это противопоставление на вещи и явления окружающего мира. Бесплотные двойники чудились нашим далеким предкам в каждом дереве, камне, озере, животном и т.д. В философии это неосознанное раздвоение мира получило осмысленную, теоретическую форму. Еще древнегреческий мудрец Платон в диалоге "Софист" определил телесное как то, что "допускает возможность прикосновения к себе и ощупывания", т.е. чувственно воспринимаемое, а бестелесное как "умопостигаемое" [6, с. 364].

С учетом этих предварительных замечаний, имеющих рамочный характер, суть проблемы идеального можно сформулировать в следующих вопросах:

- 1) что такое идеальное?
- 2) как идеальное связано с материальным?
- 3) возможна ли диагностика идеального?

I

Что такое идеальное? Ответ на этот вопрос может быть получен только одним способом, способом создания такой теоретической модели идеального, которая бы не противоречила уже известным фактам о нем. Наиболее существенными из этих фактов являются следующие:

1. Идеальное существует в материальном образовании, которое его порождает, и как такое не может выйти за его телесные границы, т.е. оно локализовано в пространственном и временном отношении определенной телесной организацией (человека, животного, машины), ее пространственными параметрами и временем существования. Местом пребывания идеального в живом существе является, по-видимому, мозг, работу которого обеспечивает вся центральная нервная система и физиологическое устройство организма.

2. В предметном отношении, т.е. с точки зрения содержания, идеальное не имеет пространственных и временных ограничений, оно носит внепространственный и вневременной характер. Предметное содержание идеального может выходить за любые пространственные границы и двигаться по временной оси как угодно далеко в любом направлении. Так, человек может остро переживать чувство обиды, которое возникло не здесь и сейчас, а волновало его в другом месте и в другое время. Конкретная мысль может относиться к любому явлению во Вселенной, в том числе и к явлениям нигде и никогда не существовавшим, например, "золотому веку" в истории человечества, НЛО, ангелам и т.п.

3. Идеальное неоднородно, оно состоит из различных взаимодействующих между собой психических явлений, которые находятся в постоянном движении – в "потоке сознания". В нашей голове или в голове чувствующего животного все время что-то колеблется, что-то возникает и что-то исчезает, что-то переходит в другое что-то. Идеальное – это перманентный процесс, остановка которого на мгновение означает мгновенную смерть.

4. Идеальное возникает в голове человека или животного как результат воздействия внешней материальной среды на рецепторы (органы чувств) и представляет собой в конечном итоге реакцию живого организма на эту среду – природного или искусственного происхождения. Если мы определим внешнюю материальную среду как объективную реальность, то в этом и только в этом отношении мы можем определить идеальное как субъективную реальность. Я не разделяю ту точку зрения, согласно которой животные с развитой нервной системой и мозгом обладают субъективной реальностью, но не обладают идеальным на том основании, что их субъективная реальность лишена социального качества.

5. Идеальное способно вызывать и действительно вызывает определенные изменения в том материальном образовании, в котором оно существует, т.е. телесные изменения (сокращения мышц и другие), и с помощью этих изменений воздействует на внешнюю материальную среду, изменяя, преобразуя ее, создавая в ней новые материальные образования или процессы, т.е. образования или процессы искусственного происхождения. Человеческая речь как звуковые колебания воздушной среды – одно из таких искусственно создаваемых явлений. А творения человеческих рук? Едва ли можно сомневаться, что своим хитроумным движениям руки обязаны тем импульсам, которые идут к ним от идеального в голове человека.

Таковы основные факты, которым должна соответствовать искомая теоретическая модель идеального, и которые она призвана объяснить. Существует ли сегодня такая модель? Едва ли на этот вопрос можно ответить утвердительно. Существуют подходы, существуют концепции решения проблемы.

Наиболее разработанной в теоретическом плане среди современных исследований является информационная концепция идеального, предложенная российским ученым Д.И. Дубровским. Согласно этой концепции, "идеальное есть не что иное, как данность информации в "чистом" виде и способность оперировать ею с высокой степенью произвольности" [2, с. 123-124]. Развивая эту мысль, Д.И. Дубровский пишет: "... на уровне сознательных процессов... отображение как бы удваивается; его "содержание" фиксируется в определенной организации мозгового кода, в виде эквивалентной нейродинамической структуры, но вместе с тем, это "содержание" представлено для личности в его "чистом виде", т.е. в виде информации как таковой, "не отягощенной" субстратной организацией ее носителя (кода)" [2, с. 125]. Связь между всяким явлением субъективной реальности (идеальным) и мозговым нейродинамическим носителем заключенной в нем информации "является не причинной, а функциональной, она представляет собой сложившуюся кодовую зависимость. Последняя выражает отношение "представленности" данной информации в данном конкретном (по своей организации и физическим свойствам) носителе для данной самоорганизующейся системы" [1, с. 99].

Не вызывает сомнения, что явления сознания (ментального, психического) могут быть в первом приближении осмыслены в рамках информационной концепции, поскольку все они имеют информационный срез, выступают в качестве "сообщения" для субъекта, будь то ощущения, чувства или мысли, вместе с тем можно высказать предположение, что ощущения, чувства и мысли все же больше, чем информация. Иначе говоря, информация, став идеальным

явлением, обретает собственную жизнь, вообще-то информации как вселенскому явлению не свойственную. Здесь уместно вспомнить тонкое замечание С.Л. Рубинштейна, что "смотреть (получать зрительную информацию о внешних объектах. – Г.П.) и видеть (создавать зрительные идеальные образы этих объектов. – Г.П.) – не одно и то же: смотреть еще не значит видеть, хотя и нельзя видеть, не смотря" [7, с. 191].

Информацию о внешнем мире получают все живые организмы (как растения, так и животные), так или иначе реагируя на эту информацию за счет накопленной в организме энергии: подсолнух тянется к солнцу, пчела садится на цветок, лягушка ловит муху, лев гонится за антилопой, обезьяна срывает банан и т.д. Вопрос в том, на каком этапе эволюции жизни эта информация превращается в идеальные образы внешних (и внутренних) раздражителей? Этот "скачок" совершается тогда, когда без создания идеальных образов становится невозможным само существование живого организма. С чем, прежде всего, связано это существование, понимаемое в широком смысле, т.е. не только как существование отдельной особи, а как существование особи, включенной в популяцию себе подобных? На этот вопрос можно ответить так: существование особи зависит от ее способности совершать движения (двигательные акты), обеспечивающие это существование. На такую связь указывают приведенные выше примеры и множество других, которые подтверждают известное положение материалистической философии, что именно движение является способом существования материальных образований. Но в интересующем нас случае имеется один важный нюанс: речь идет о механическом движении (двигательных актах), т.е. об изменении положения живого организма к внешней среде, которые сами по себе не являются формой биологического движения, но без которых биологическое движение – жизнь особи – становится невозможной. Паралич двигательного аппарата животного неминуемо ведет к смерти последнего.

По-видимому, существует необходимая связь типов движения (двигательных актов) живого организма с тем обликом, который в нем принимает информация о внешнем мире и собственном телесном состоянии. По мнению С.Л. Рубинштейна, тем типом движения живого организма, в рамках которого происходит "скачок" от сигнала на внешний раздражитель в физиологической форме к сигналу в идеальной форме, является движение, направленное на объект, т.е. действие. Это действительно необходимое, но недостаточное условие возникновения идеального в живом организме. Порогом, начиная с которого в живом организме с неизбежностью возникает идеальное, является переход от безусловно-рефлекторной деятельности животного к условно-рефлекторной деятельности, т.е. переход от безусловных, врожденных рефлексов к рефлексам, приобретенным при жизни живого организма, названных И.П. Павловым условными рефlekсами.

Действительно, безусловно-рефлекторная деятельность живых организмов может творить чудеса, может казаться верхом совершенства, но в ней нет ни йоты идеального, ибо последнее не вызывается необходимостью, его отсутствие не разрывает дугу безусловного рефлекса, а дублирование, даже если бы оно было возможно, непозволительная роскошь для природы. Другое дело деятельность условно-рефлекторная. Вот вопрос, от ответа на который зависит решение проблемы природы идеального в целом: возможно ли превращение индифферентного раздражителя в условный сигнал без того, чтобы отражение этого раздражителя в нервной системе животного не приняло форму идеального образа (ощущения или восприятия)? Я утверждаю, что без возникновения таких образов вышеозначенное превращение в принципе невозможно, а это значит, что условно-рефлекторная деятельность оказывается возможной только в том случае, если живой организм не только смотрит, но и видит, не только слушает, но и слышит, не только осязает, но и испытывает боль и т.д. и т.п. Это утверждение можно рассматривать как гипотезу, в пользу которой говорит ряд обстоятельств, как естественнонаучного, так и метафизического (философского) характера, вытекающих из анализа условно-рефлекторной деятельности живого организма. Суть этих обстоятельств заключается в том, что такого рода деятельность не может быть исчерпывающе объяснена на основе законов материального мира, т.е. исключительно в рамках нейродинамических процессов, протекающих в нервной системе и мозгу живого организма.

II

В современных исследованиях по проблеме идеального превалирует функционалистский подход, согласно которому психическое, ментальное, сознание (т.е. идеальное в широком смысле слова) является функцией или деятельностью мозга. Концепция функционализма позволяет приоткрыть завесу над многими тайнами идеального, ввести в его трактовку понятие информации, открывает перспективу "расшифровки" мозговых (нейродинамических) кодов, т.е. установления их соответствия определенным идеальным явлениям (ощущениям, чувствам и мыслям). Все это так, но есть ряд проблемных вопросов, которые неизбежно возникают при абсолютизации функционалистского подхода к природе идеального.

Первый вопрос связан с "удвоением" отображения внешнего мира в мозгу высших животных и человека: "...на уровне сознательных процессов... отображение как бы удваивается; его "содержание" фиксировано в определенной организации мозгового кода, в виде эквивалентной нейродинамической структуры, но вместе с тем это "содержание" представлено для личности в его "чистом" виде, т.е. в виде информации как таковой, "не отягощенной" субстратной организацией ее носителя (кода)" [2, с. 125]. Но такое "удвоение" процесса отражения в мозгу живого организма не может происходить без его необходимости для целенаправленной деятельности высших животных и человека по отношению к перманентно изменяющейся среде обитания. Естественно предположить, что мы имеем здесь дело с дополнительным эффектом преобразования полученной извне информации, т.е. с возникновением таких элементов информации, которые не имеют аналогов в мозговых кодах. В противном случае упомянутое выше "удвоение" оказывается не необходимым, а значит бесполезным.

Второй вопрос, с которым сталкивается последовательный функционализм и который становится для него серьезной проблемой, – это вопрос о том, каким образом мозг "узнает" в тех или иных собственных изменениях на нейродинамическом уровне ("кодах") идеальные образы ("чистую" информацию), если сами эти образы не существуют как некая, пусть даже относительно самостоятельная, данность. Следует признать существование у высокоорганизованных живых организмов (прежде всего у высших животных и человека) мозговой самоорганизации – эгосистемы, представляющей субъектный уровень этих организмов. Это не "специальный механизм декодирования, переводящий код в образ" [1, с. 101] (что-то вроде пресловутого "гомункулуса"), это то, что "переживает" объективно существующий в мозгу нейродинамический код в качестве субъективной реальности. По отношению к человеку мозговая эгосистема, говорит Д.И. Дубровский, есть не что иное как "кодовое воплощение индивидуально-целостной субъективной реальности" [1, с. 106]. Не очень понятное определение, которое не столько проясняет, сколько усложняет проблему идеального.

Третий вопрос – это вопрос о существовании субъективной реальности (мира ощущений, чувств и мыслей), не сводимой к игре функций. Функции, как бы сложны они не были, можно просчитать, хотя бы в принципе. Но при этом сами идеальные явления будут оставаться для нас недоступными в том смысле, что мы их непосредственно переживать не можем, поскольку они принадлежат к субъективной реальности того живого организма, функцией мозга которого они являются. Иначе говоря, мы никогда не сможем ответить на вопрос: "Что это значит – быть летучей мышью?" [5, с. 111], не став летучей мышью; мы никогда не сможем увидеть мир глазами другого человека, не став этим другим человеком, или мыслить его мыслями. Профессор Нью-Йоркского университета Т. Нагель справедливо замечает, что "вообразить себе ментальное состояние изнутри было бы тем, что я называю симпатическим воображением – приведением себя в состояние сознания, похожее на воображаемую мною вещь, – а это было бы невозможно без приведения моего мозга в соответствующее физическое состояние" [5, с. 111]. Знать переживания ментального (ощущений, чувств и мыслей) другого субъекта и непосредственно переживать это ментальное – разные вещи. Мы постоянно имеем дело с подобной ситуацией, поскольку можем судить и судим о ментальных переживаниях другого человека по объективированным кодам этих переживаний в виде слов, жестов, рисунков и других материальных символов, но при этом сами эти переживания (бестелесные, идеальные явления) остаются

субъективной реальностью этого другого человека. То же самое мы можем сказать о нашем общении с высшими животными.

Сказанное не означает, однако, бессилие разума перед самим собой, невозможность силой разума "войти" в мир субъективной реальности, если мы признаем существование этого мира как "данности". Так, мыслит мозг, это одна из его возможных функций, но законы логики, открытые Аристотелем, это законы мышления, т.е. движения мысли в мире субъективной реальности, а не законы нейродинамических процессов.

Эти и другие проблемные вопросы дают основание выдвинуть гипотезу о существовании субъективной реальности как субстанции особого рода, которая не имеет таких характеристик материальной субстанции, как телесность, протяженность, масса и энергия. Наглядная невообразимость такой субстанции не может служить аргументом в пользу тезиса о ее несуществовании. Здесь уместно еще раз вспомнить высказывания Платона в диалоге "Софист": "Одни все вещи влекут с неба и невидимого на землю, обнимая руками просто скалы и дубы. Держась за все подобное, они утверждают, будто существует только то, что допускает возможность прикосновения к себе и ощупывания, и признают тела и сущность за одно и то же, все же тех, кто говорит, будто существует что-либо бестелесное, они презирают окончательно, не желая ничего другого и слышать" [6, с. 364]. У Платона речь идет об объективном, т.е. вне сознания субъекта, существовании бестелесного бытия, которое в философии принято называть идеальным бытием. Проблема объективного идеального не является темой данной статьи, но мысль философа, что "прикосновение к себе и ощупывание" не является неотразимым аргументом в пользу существования чего-либо, может быть распространена и на субъективное идеальное, по крайней мере, отсутствие этого признака не может служить доказательством невозможности субстанционального существования такого идеального, т.е. того, что мы называем нашими ощущениями, чувствами, мыслями и что похоже на них в других живых организмах, а может быть – и в машинах.

Против субстанциализации субъективной реальности решительно выступают сторонники функционализма. Так, можно привести слова С.Л. Рубинштейна о том, что "отрыв образа от процесса отражения означает порочную субстанциализацию образа... При этом образ как идеальный неизбежно противопоставляется материальному процессу и тем самым обособляется от него" [7, с. 70]. Аналогичную позицию занимает Д.И. Дубровский, утверждая, что "ни одно явление субъективной реальности не существует в виде некоей особой сущности, т.е. обособлено от своего материального носителя" [2, с. 138]. Эти возражения справедливы, если придерживаться той точки зрения, что субъективная реальность, будучи функцией мозга, не может быть одновременно субстанцией и наоборот. Понятия функции и субстанции действительно противоположны по своему содержанию. Однако применительно к материальному миру единство противоположностей не вызывает сомнений. Я не вижу оснований, почему нельзя рассматривать природу субъективного идеального как функционально-субстанциональную, т.е. обладающую двойственным характером. В этом случае не происходит никакого "отрыва" образа от процесса отражения, никакого "обособления" субъективной реальности от своего материального носителя, но подчеркивается особость субъективного идеального, объясняющая относительную самостоятельность последнего от нейродинамических мозговых процессов. По сути это означает, что идеальное функционально, поскольку оно связано с мозгом, и субстанциально, поскольку оно не сводимо к мозговым нейродинамическим процессам. Такое понимание природы идеального (субъективной реальности), а лучше сказать, такая модель идеального, на мой взгляд, приближает к решению проблемы "третьего понятия", сформулированной Т. Нагелем: "Предполагается по существу следующее: что даже хотя невозможна никакая прозрачная и непосредственная связь между физическим и феноменологическим, а только эмпирически установленная экстенсивная корреляция, мы можем надеяться и должны попытаться построить – как часть научной теории сознания – третье понятие, из которого непосредственно вытекают и ментальное, и физическое и, благодаря которому их актуальная необходимая связь друг с другом станет для нас прозрачной" [5, с. 112].

Д.И. Дубровский в своих работах настаивает на введении в качестве третьего понятия понятия "чистой информации", не "отягощенной" субстратной организацией ее носителя" [2, с. 25]. Но такое определение понятия "чистой информации" тождественно определению идеального, субъективной реальности, а, следовательно, не может претендовать на статус "третьего понятия". Проблема, поставленная Т. Нагелем, все еще ждет своего решения.

Понимание идеального как такого явления субъективной реальности, которое одновременно обладает функциональными и субстанциональными качествами, позволяет решить вопрос о движении идеального. То, что ощущения, чувства и мысли пребывают в состоянии движения, – это неоспоримый факт. Можно согласиться, в принципе, что внешне "движению представлений, восприятий и т.д. соответствует движение материи вне меня" [4, с. 283]. Едва ли есть необходимость доказывать, что такое соответствие не является однозначным, т.е. точным копированием движения материи вне субъекта отражения. Наш личный опыт свидетельствует о том, что явления субъективной реальности обладают способностью к самопроизвольному движению. Движение, каким бы оно ни было, невозможно без энергетических затрат. В случае движения в сфере субъективной реальности энергия не может быть получена от внешних объектов отражения, оно осуществляется за счет энергии нейронов головного мозга. В этом отношении интересно высказывание В.В. Шульговского, "что сознание есть не что иное, как активность нейронов" [9, с. 15]. При этом львиная доля энергетических затрат ("активности нейронов") идет на обеспечение функционирования мозга как физиологического органа и только малая их часть – на собственно субъективную деятельность. В энергетическом отношении чувствующий (и мыслящий) мозг отличается от мозга не чувствующего (и не мыслящего) на такую малую величину, которая трудноуловима приборами, что является главным препятствием в исследованиях по расшифровке мозговых кодов. Идеальное возникает как функция мозга и существует как субстанция за счет энергии мозговых нейронов, но не сводимо к этой энергии.

Существует вопрос, который является камнем преткновения для всех исследований, рассматривающих идеальное не с физикалистских позиций. Этот запрос можно сформулировать так: "Каким образом явление субъективной реальности, которому нельзя приписывать физические свойства, способно служить причиной телесных изменений?" [1, с. 104]. Автор этого вопроса отвечает на него следующим образом: явление субъективной реальности "воздействует на телесные процессы, управляет ими в качестве информации... Мы имеем здесь дело с информационной причинностью, точнее с ее видом – психической причинностью... Психическое причинение осуществляется цепью кодовых преобразований и его результат определяется содержательными, ценностными и оперативными характеристиками информации А, воплощенной в мозговом коде Х" [1, с. 104]. Но цепочка кодовых преобразований, какую бы информацию она не несла, это уже материальный (физический) процесс, который не связан с воплощенной в нем информацией причинной зависимостью, поскольку код и информация – явления однопричинные. Вопрос, поставленный в начале этого абзаца, остается, таким образом, без ответа.

Ответ может быть получен, если мы полагаем не только функциональное, но и субстанциональное существование идеального. В этом случае допустимо предположение, что мы имеем здесь дело с особой формой зависимости, не встречающейся во внесубъектном мире, суть которой в реагировании нейродинамических мозговых процессов на идеальное, что-то вроде отражения идеального в материальном субстрате мозга, отражения, определяемого потребностями живого организма как сложной саморегулирующейся системы, существование которой в свою очередь определяется взаимодействием организма со средой. Вне этого взаимодействия, необходимого для бытия данной особи и рода, реагирование мозга на явления субъективной реальности оказывается, по-видимому, невозможным. Мозг "выбирает" из субъективной реальности то, что необходимо живому организму для его существования в данной быстро изменяющейся среде, т.е. обладает избирательной способностью.

III.

Изложенные выше представления о "механизме" взаимодействия явлений субъективной реальности (ментального, психического, сознания) с материальным субстратом мозга и протекающими в нем нейродинамическими процессами выводят нас на понятие субъекта, которым является не мозг сам по себе в качестве студенистого вещества, заключенного в черепной коробке, способного ощущать, чувствовать и мыслить, а живой организм как целостная система в его взаимодействии со средой и себе подобными. Вне субъекта мозг такой способностью не обладает. Видит мышь не мозг кошки сам по себе, а кошка как субъект взаимодействия с данным объектом – мышью. Любит и ненавидит не одинокий мозг человека, а человек как субъект взаимодействия с другими людьми. Иначе говоря, я понимаю под субъектом сложную самоорганизующуюся иерархическую систему живого организма (а может быть и машины?), которая, благодаря наличию в ней центральной нервной системы и мозга, способна не только смотреть и слушать, но и видеть и слышать, т.е. создавать идеальные образы объектов внешнего мира и своих собственных состояний.

Поскольку субъект, по определению, является сложной иерархической системой, к нему приложимы современные физические представления о взаимодействии динамического и информационного аспектов поведения. Воспользуемся описанием такого взаимодействия по книге Б.Б. Кадомцева "Динамика и информация": Если система X имеет не очень сложную внутреннюю структуру, то она может вести себя как однородная динамическая (механическая) система... Однако в более сложных системах со сложно организованной внутренней структурой возможно расслоение единой системы на две тесно связанные друг с другом подсистемы... Те структурные элементы, которые могут сильно влиять на динамику системы сравнительно малыми возмущениями (сигналами), естественно выделяются в структуру управления. Таким образом, сложные динамические системы сами собой расслаиваются на два уровня иерархии... Для любой системы X в качестве второй системы Y может выступать весь внешний мир. В этом случае речь должна идти о "погружении" данной системы во внешний мир и ее адаптации к энергетическим и информационным потокам неравновесного мира" [3, с. 330-331].

Сложный живой организм представляет собой систему с информационным поведением, т.е. включающей в себя информационную подсистему – мозг. Вопрос в том, при каких условиях сигналы от "силовой" подсистемы живого организма (его физиологических органов и частей тела) и внешней среды обретают идеальную форму ощущений, чувств или мыслей, т.е. когда живой организм становится субъектом? Мой ответ: это происходит тогда, когда, во-первых, управление "силовой" подсистемой живого организма начинает реагировать на жизненно индифферентные сигналы, что становится необходимым условием существования системы в целом, и, во-вторых, взаимоотношение живого организма с внешней средой приобретает характер действия, при этом возникает новое качество, которое можно обозначить символом "дельта-X". Суть этого качества состоит в свободе выбора как объекта, так и способа действия, по крайней мере, в возможности такого выбора.

Сформулируем вопрос, прямой постановки которого мы избегали до сих пор: могут ли в "пространстве" идеального (субъективной реальности) возникать идеальные же явления, не имеющие соответствующих кодов в мозгу субъекта. На первый взгляд, положительный ответ на этот вопрос сравним с признанием реального существования улыбки Чеширского кота, которую видела Алиса в стране чудес: улыбка есть, а кота нет. Но это не так. Все идеальные явления, вообще все "пространство" идеального, существуют за счет энергии нейронов головного мозга. Признание возможности существования идеальных явлений, не имеющих соответствующих нейродинамических кодов, есть признание возможности прорыва в дублировании (обязательном параллелизме) этих явлений, что в свою очередь дает основание говорить об относительной самостоятельности идеального (бестелесного) от материального (телесного) в системе, которую мы признаем субъектом.

Благодаря свойству "дельта-X" мозга, последний "подбирает" нейродинамический код, соответствующий тому или иному идеальному явлению, возникающему в идеальном "про-

странстве" безотносительно к уже существующим мозговым кодам. Можно предположить, что новообразования в нейродинамической структуре мозговых процессов, во-первых, выполняют функцию физических носителей памяти по отношению к идеальным новообразованиям, во-вторых, обладают способностью вызывать соответствующую реакцию рабочих органов живого организма, т.е. его силовой подсистемы.

Предлагаемая модель идеального не противоречит его объяснению как свойства или функции мозга, но включает в это объяснение конечный "продукт" этой функции – идеальное как духовную субстанцию, обладающую относительной самостоятельностью по отношению к мозговым процессам. В защиту предлагаемой модели идеального (субъективной реальности) говорит то, что эта модель когерентна представлению об идеальном как необходимом условии существования материальной системы, достигшей определенного порога сложности. Именно такими системами являются живые организмы с развитой центральной нервной системой и мозгом, включая человека.

Можно ли диагностировать наличие идеального в материальной системе, т.е. достаточно бесспорно определить, что данная система является субъектом? Очевидно, что мы не можем войти в плоть и кровь системы, стать ею ("стать летучей мышью"), если эта система находится вне нас. Единственный способ диагностики идеального – наблюдение за поведением системы. Не могу согласиться с категорическим утверждением одного из исследователей природы сознания – Джона Серла, что "система может обладать сознанием без соответствующего поведения и осуществлять поведение без участия сознания" [8, с. 81]. Такие случаи действительно могут иметь место, но у нас речь идет не о случаях, а о необходимости, определяющей само существование системы, например, животного или человека. Дело в том, что, начиная с некоторого, не очень определенного, но реального порога сложности, материальная система без включения в нее феномена идеального, т.е. без превращения в субъект, существовать, по-видимому, не может. А существовать – значит взаимодействовать со средой, т.е. вести себя по отношению к среде тем или иным образом, это существование обеспечивающим, а это и есть поведение, выступающее как необходимость бытия системы.

Что же является необходимым в поведении материальной системы, чтобы мы могли признать эту систему субъектом, т.е. диагностировать наличие в ней идеального? Это способность материальной системы осуществлять свое поведение по принципу условно-рефлекторной деятельности, т.е. к реагированию на внешние воздействия, являющиеся сами по себе безразличными для существования системы, но воспринимаемые ею как сигналы, включающие механизм реакции системы на жизненно важные внешние воздействия, сигналы от которых еще не поступили.

Применительно к физиологии высшей нервной деятельности животных и человека условно-рефлекторная деятельность представляет собой процесс установления временных связей между очагами возбуждения в субстрате головного мозга, вызываемых жизненно индифферентными и жизненно важными сигналами. Для системы с иной физической (телесной) организацией внутренний механизм условно-рефлекторного поведения может быть совершенно другим. Иначе говоря, условно-рефлекторное поведение по своей сути носит инвариантный характер по отношению к физической (телесной) организации субъекта. Это обстоятельство значительно расширяет возможности диагностики идеального не только применительно к неизвестным нам сегодня формам жизни, но и к материальным системам искусственного происхождения.

* * *

Идеальное в известных нам формах выступает как ощущения, чувства (эмоции) и мысли. Возникновение такой формы идеального, как мысль, связано, главным образом, с тем, что И.П. Павлов назвал второй сигнальной системой. У человека "сигналом сигналов" является слово, которое в известном смысле заменяет сигналы внешней среды. Слово есть символ, знак, имеющий звуковое или графическое воплощение, содержащий определенную информацию в определенной знаковой системе. На мой взгляд, не лишена оснований гипотеза о

существовании мыслящих существ естественного или искусственного происхождения, для которых роль "сигнала сигналов" играет не слово, а какой-то иной материальный носитель, находящийся за пределами человеческих возможностей.

Мысль как одна из форм идеального, ее специфика и связь с другими формами субъективной реальности, мышление как движение мысли, проблема искусственного интеллекта... Таков, на мой взгляд, далеко не полный перечень вопросов, на подступах к решению которых находится современная наука.

Литература

1. Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии, 2002, № 10.
2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1983.
3. Кадомцев Б.Б. Динамика и информация. Изд. 2-е. М., 1999.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. М., 1961.
5. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии, 2001, № 8.
6. Платон. Софист // Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1970. Т.3.
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
8. Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
9. Шульговский В.В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии. М., 2003.